

КАРЛ СЭНДБЕРГ

К 100-летию со дня рождения

Стихи разных лет

Перевод с английского АНДРЕЯ СЕРГЕЕВА

ИЗ КНИГИ
«ЛУЩИЛЬЩИКИ КУКУРУЗЫ»
(1918)

Анкета

- Вынуждал ли я хоть кого-нибудь лгать для моей корысти?
Продавал ли бедным лед летом и уголь зимой ради моих дочерей,
чтоб они могли выводить на прогулку пятнистых за-
ласканных бультерьеров в клетчатых теплых попонках?
Заговаривал ли хоть кого-нибудь до одурения или предлагал
ли кому-нибудь накачаться за мой счет до потери соз-
нания?
Затыкал ли я уши ватой, заслышав добрый совет?
Умел ли слушать других?
Брал ли доллары у живых и еще не рожденных, толкая
речи о быстром возмездье, преследующем бесчестных?
Творил ли добро тайно или всегда выставляя его напоказ
в витринах или газетах?

Оркестр на площади

Оркестр в Небраска-сити на площади. Плывут и кружатся платья,
по-летнему белые платья. Лица яркие, столько лиц, как
цветов на цветущей вишне. И, господа, смех и хихи-
канье, ржанье сопровождают ласково ржущий «Извозчий
блюз».

Регтаймы ковбойские и негритянские. Мальчишки, правя гнедыми, швыряют пшеницу улыбок девчонкам, чьи кружатся платья, по-летнему белые платья. Сквозь стаккато корнета и уханье тубы — хихиканье, господи, ржанье пестрой праздничной суматохи.

Медленные мелодии на ночь и «Дом, милый дом». И ударник, бухгалтер из фирмы шорных изделий кивает дочке кассира с железной дороги — хихиканье, господи, ржанье, — и платья, по-летнему белые платья, тают, расходятся веером с площади.

Раздавленная земляника в кафе-мороженых, дыханье ночи в ясенях и тополях, решетки теней у ворот и парадных — все они знают намного больше об этом вечере.

ИЗ КНИГИ
«ДЫМ И СТАЛЬ» (1920)

Песня долины

Закат дотянулся
До края долины — помнишь?

Садился иней.
Синела звезда.
Мы не мерзли, помнишь?
Мы считали кольца вокруг луны.

Закат дотянулся
До края долины
И скрылся за черной огромной дверью звезд.

ИЗ КНИГИ
«ГЛЫБЫ СПАЛЕННОГО
СОЛНЦЕМ ЗАПАДА» (1922)

Вестники горя

Невезучая маленькая бабенка полюбила мужчину и проиграла. И она связалась с другим — и снова пустой номер. И она возопила к богу, что эта лавочка — чистый обман и мошенничество. А когда она спуталась с Номером Третьим, то вдруг поняла, что все в ней перегорело и любить больше нету сил. И она написала богу письмо и бросила это письмо в почтовый ящик. Вот что в нем говорилось:

Боже, неужто нельзя устроить так, чтоб у нас, невезучих бабенок, готовых бросаться под поезд ради любимых мужчин, был хоть какой-то шанс? Я ставила не на ту карту, толкалась не в ту дверь, шла не по той дороге. Боже, неужто нельзя мне переиграть и начать все сначала, с картами на руках, у пересеченья дорог и с целью перед глазами?

И письмо пришло в Вашингтон, федеральный округ Колумбия, и свалилось на свалку, куда попадают все письма к богу — если на них нет номера дома.

ИЗ КНИГИ
«НАРОД, ДА» (1936)

Зачем повторяешь? Я тебя уже слышал.
Можешь напоить лошадь, если у тебя есть лошадь.
Петух и конь договорились не наступать друг другу на ноги.
Гусеница — это червяк в енотовой шкуре, получающий высшее образование.
В споре с курицей таракан постоянно неправ.
Если бы я не сделал этого в понедельник, кто-то другой сделал бы это во вторник.
Деньги — точно навоз: хороши, когда их разбрасываешь.
Ты какой классный лжец, что я приму твое предложение.
С кроткой лошади быстро сдирают шкуру.
Поросенок в покое хлебает помой.
Картошинки мелкие, вот и в кучке их мало.
Толстяк на тощем коне: — Я кормлю себя, другие кормят коня. —
Нет мира на земле — с женщинами, нет жизни нигде — без них.
Одни мужчины одеваются быстро, другие медленно, словно женщины.
— Ты лжец! — Если это сказал ты, значит, не лжец.—
Он хотел ходить по обеим сторонам улицы одновременно.
Он хотел разорвать середину улицы пополам.
— Когда считать человека пьяным? — Когда перед тем, как заснуть, он целует бармена. —
Он сказал, что пристукнет меня, когда мы увидимся. Что я буду делать? — Ты упадешь. —
Он складенький, точно птичка по кличке слон.
Вот ты все разрешил и сбагрил, так что теперь тебе делать?
На дороге в Озаркских горах шофер говорил:
— Сами горы выше не делаются, это пропасти глубже и глубже.—
Он был такой скользкий, что мог поскользнуться на собственных пятках.
Земля подскочила и хлопнулась об его щеку.
Обменяй на собаку, утопи собаку — избавишься от того и другого.
На его похоронах будет много сухих глаз.
— Малыш, как пройти к почте?
— Не знаю.
— Ты что ничего не знаешь?
— Ага, но дороги-то я не спрашиваю!

Газгольдеры держатся ближе к путям.
Дома бедняков укутаны копотью.
Зажигаются красные и синие сигналы.
Всем управляет диспетчерская.
На схеме вспыхивают и гаснут лампочки.
Каждая — проходящий состав
Или состав на подходе.

Холод садится на склоны.
Под ними сгрудились тени.
Под тенями скрыто железо.
Эта бригада крепко работает,
На лицах легко прочесть:
«Мы сегодня работаем —
Что вы понимаете в этом?»

ИЗ КНИГИ

«МЕД И СОЛЬ» (1963)

Речь

Было то,
что зовут «словесами»,
горы речи,
слогов —
каждый из воздуха.

Затем была
тишина,
никакой речи,
никаких слогов,
сплетенных языком
из приبلудного воздуха.

Так все языки
выбалтываются
до тишины.

Небоскребы горды собой

Небоскребы горды собой.
Кажется, вот-вот скажут:

«Да, мы стремились к идеалу
и достигли его».

И все-таки их нельзя обвинять,
невинных, как их немое стекло
и еще более немой бетон.

Небоскребы бормочут: «Нас сделали люди,
мы горды собой не больше, чем люди,
и мы не ближе к идеалу,
чем люди».

Городской этюд

Грязные контуры города удлинены.
Дома и кварталы тянутся милями.
Громкие грузовики развозят утренние газеты.
В ночных клубах танцовщицы кончили танцевать.
В кабаках квартеты импровизируют «Покажи мне путь домой».

Солдаты и моряки ищут улицы и номера домов.
Ночные вахтеры на полдороге между полночью и завтраком.
Глянь в окно: если считать с вечера, то уже поздно.
На юге, голубом, как голубиное яйцо,
Облака принимают лунные ванны.

Почки ильма

На ильме — почки.
Они повыползли
вчера утром — вчера вечером.
Это мышата, живущие
воздухом ранней весны.

Небо на севере серое.
Серый ильм темнеет на фоне
серого зимнего неба.
А веточки все оканчиваются
желтыми и золотистыми мышками
воздуха ранней весны.
Ветки качают мышат, что повыползли
с листьями, с листьями.

Индийское

Индеец видел, как бабочка
вылетает из кокона.
И не старался вникнуть поглубже.
У бабочки крылья, свобода.

Индеец видел весной, как цветы
пробиваются из-под земли.
Он видел дождь и грозу.
И не старался вникнуть поглубже.

И он видел солнце.
Но не поклонялся солнцу.
Для него солнце было лишь символом.
Он молился тем, кто стоит за солнцем.
Он пел и плясал в честь тех, кто создал и движет
солнце.

Календарь

Рассмотри созвездие Скорпиона
и увидишь, что хвост его
оканчивается одинокой звездой.

Пойди к зеленому краю моря,
попроси, чтоб оно дало тебе знак,—
жди и слушай.

Узнай, поют или шепчут
загадочные, тяжелые
туманы в низинах.

Пусть негромок голос
тихого ясного утра—
солнце ведь говорит так часто.

Приглядись к весенним побегам
и внезапно лопнувшим почкам—
они тоже мечтают о добром лете.

Найди в первой снежной буре
симфоническую оркестровку—
бурь без нее не бывает.

Возьми буквы из золота или глины
и сложи слова: поцелуй, убийство,
любовь, ненависть, лед, мысль, победа.

Спроси цифры на циферблате
своих часов: разве рождение,
любовь и смерть— только цифры?

Синие тени ложатся на горы

Синие тени ложатся на горы.
Серые горы ложатся на реки.
Реки по ложам струятся к морю.
Самая древняя синяя зыбь—
серая бездна моря.
И только тени древнее, чем море.

Можешь ли ты овладеть
собой и своею тенью?
Можешь ли ты измерить
мгновенья на солнце,
когда ты ложись на землю тенью?
Говорит ли с тобой твоя тень
или ты говоришь своей тени
то, что потом она скажет тебе?
Надеешься ли, что твоя тень
укажет тебе дорогу;
и что предпринять, если ты
прошел до конца эту дорогу?
Просил ли когда-либо человек:
«Преврати меня, Господи,
в тонкий стеклянный бокал,
а то я боюсь слов моей тени?»

Что случится,
когда ты забудешь и солнце забудет
отбросить твоего закадычного друга,
твою неизменную тень?

Вот тень Шекспира —
что он говорил ей?
что оставил невысказанным?
и знал ли он точно, что этим оставил
миллионы невысказавшихся теней?

Когда Наполеон видел свою тень,
может ли быть, что ему не хватало слов,
и, глядя вокруг себя, мог ли он видеть
другие тени, роковые, как и его тень?

Тени легче тумана
падают на синюю зыбь моря,
на серую бездну моря.

Высоко над теньями
вечное солнце,
Высокий Свидетель
теней.

Коробки с сувенирами

Должно быть, пора заглянуть в коробки.
В этой лежала буря, она охрипла
от собственного завывания.
В этой хранилась хорошая погода,
рукопись синего неба.
В этой развернутый синий полог
полуденного тумана.
В каждой коробке день и его рассказ
о небе и ветре.
Порою в коробках встречались и спорили
песни разных погод.
«Учти, что какой-то день ты уже не включишь
в свою коллекцию сувениров».